Украинская Социалистическая Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

М. Равич-Черкасский.

Махно
—) и (—
махновщина.

Цена 5 рублей.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Екатеринослав, 1920 г.

*Членам Центрального Комитета К. П. У.
дорогим т. т. Мануильскому и Яковлеву
посвящаю свою скромную работу.*

М. Равич-Черкасский.

Восстания против Советской власти.

Уже два с половиною года, как на Украине кипит жестокая гражданская война.

По всему лицу Украины до сих пор действуют десятки крупных и мелких отрядов, выступающих против Советской власти.

Отряды эти имеют каждый своего вождя, атамана или батька и набираются преимущественно из дезертиров, выбитых из села крестьян, солдат, пробывших несколько лет на фронте, уголовных преступников, изгнанных из городов.

Этот сброд, стихийно собирающийся то в одном, то в другом месте, ставит себе ближайшей целью пробраться в ближайший город, пограбить, погромить и за одно как бы мимоходом устроить грандиозную резню.

Каждый отряд действует самостоятельно на собственный страх и риск и по собственному почину. Но в то же время наблюдается во всех отрядах единство действий.

Встречая все время упорное противодействие со стороны Советской власти, так называемое повстанчество принимает окраску антисоветского движения.

Банды взрывают водокачки на станциях и полустанках, отвинчивают рельсы и сгибают в спираль, обстреливают проходящие поезда, убивают служебный персонал на станциях и всячески тормозят налаживание нормальной правильной работы Советской власти.

Когда подавляется какое-либо восстание и начинается расследование, то результаты оказываются чрезвычайно однообразными: все нити восстания ведут к дому кулака или засевшего в деревне золотопогонника-офицера.

Это кулак, деревенский богатей и самодержец, является душой всех восстаний против Советской власти.

Это куркуль-мироед, в царское время ведший дружбу с урядником и паном, теперь пускает деревенскую бедноту против ненавистной ему Советской власти.

И это наблюдается на всем пространстве и левобережной и правобережной Украины. Везде кулак при помощи обмана и насилия вынуждает середняцкую и бедную трудовую крестьянскую массу к активным выступлениям против власти, отнявшей фабрики и заводы у капиталистов, землю у помещиков и передавшей их рабочим и крестьянам.

Несмотря на разрозненность руководимых кулаками банд, действия и движение их на всем пространстве Украины однообразны.

Несмотря на отсутствие Всеукраинской кулацкой организация, печатных програмы, учебников стратегии и других признаков правильного движения, многочисленные банды выработали собственные планы налетов-наступлений и отступлений, только им одним свойственные способности расширяться, растягиваться, когда условия для них благоприятны и сжиматься и исчезнуть, когда они попадают в, кажется, безвыходное положение.

Восстания при других властях.

Нужно однако сказать, что восстания на Украине еще более усиливаются, когда Советская власть уходит и сменяется какой-либо другой властью. Немцы заняли Украину и держали на ее территории свыше полумиллиона солдат, огромную артиллерию и многочисленную конницу. Тем не менее ни в одном месте на всем пространстве Украины немецкие войска не знали ни одного дня покоя. Каждый день то в одном, то в другом месте вспыхивали крестьянские восстания. Немецкие войска, сосредоточенные небольшими группами, изгонялись из какого-либо небольшого города или, будучи окруженными, истреблялись. Заканчивались эти восстания весьма печально. Немецкие отряды, уходя, утраивали свои силы, сжигали или сносили артиллерийским огнем все близ-лежащие села, расстреливали зачинщиков или виднейших людей в деревнях. Но эти суровые кары не останавливали стихии восстаний. Лишенные крова и пищи, потерявшие свои гнезда и убежища, крестьяне уходили в леса, присоединялись сотнями к повстанцам, получали винтовки и пулеметы и продолжали борьбу еще с большей энергией и ожесточенностью. Можно было наблюдать, как довольно крупные регулярные немецкие силы под прикрытием артиллерийского огня, теснимые повстанцами, бежали с левого берега Днепра на правый, где в течение недели—другой собирались с новыми силами, опять под прикрытием дальнобойных орудий переправлялись на левый берег, громя и сжигая без остатка все села.

Временами восстания охватывали огромные пространства почти в целую губернию.

После немцев восстания продолжались против Петлюры и помогли Красным войскам шутя свергнуть власть этого продавца Украины.

При занятии Украины белыми восстания первое время как будто улеглись, но затем вспыхнули ярким пламенем. Повстанцы и партизанские отряды били золотопогонных завоевателей в хвост и в гриву, забирая у них то один, то другой крупный город. Были такие пространства на Украине, куда даже не ступила нога белых бандитов страха ради партизанского.

Причины восстаний.

Чем же об'яснить эти беспрерывные восстания, то усиливающиеся, то ослабевающие, направленные не против одной какой-либо власти, а против всякой решительно власти, пытающейся задержаться на Украине? Чем об'яснить то обстоятельство, что Советская власть, так упрочившаяся в России, вынуждена и теперь, после третьего поражения контр-революции, оставлять отдельные районы Украины?

Да тут все дело в том, что, во-первых, украинский пролетариат чрезвычайно слабо развит количественно и качественно, во-вторых, в украинской деревне крестьяне более зажиточны и богаче и даже деревенская беднота находится под влиянием богатея-кулака.

Советская власть это—власть городского и сельского пролетария-бедняка, а эти две силы на Украине слабы и неорганизованны.

Когда на Украине появлялась какая-нибудь буржуазная или помещичья власть, кулаки вместе со всеми революционными силами, вместе с пролетарием и бедным крестьянином бунтовали против нее, когда же побеждает власть Советская, когда хозяевами страны становятся рабочие и деревенская беднота, кулак вместе с помещиком ожесточенно борется против нее.

Когда ясновельможный пан гетман генерал Павло Скоропадский при помощи немецких штыков и шомполов возвратил власть помещиков на Украине и тысячи рабочих и крестьян были перестреляны и перепороты, все слои крестьянства поднялись против гнета и насилия. Разрушенные немецкими снарядами села об'единили всех крестьян и бедняка и середняка и даже кулака. То же было и при власти Деникина и Шкуро.

Но были и промежуточные периоды, когда шла борьба за власть между помещиками и буржуазией, с одной стороны, и пролетариатам, с другой; тогда кулак, особенно в последнее время, склонялся к поддержке власти помещика.

За длинный период революции на Украине кулак самоопределился, как класс, интересам которого ближе власть помещика и буржуя, чем власть белых.

Этим и об'ясняется то, что Петлюра так легко склонялся к мирным переговорам с Деникиным, а Советскую власть ненавидел. Этим же об'ясняется переживаемый ныне период борьбы Советской власти против тройственного союза генерала помещика Врангеля, кулацкого атамана Петлюры и польского пана.

Кулаки, атаманы и „самостийничество".

Мы сказали, что восстания, организуемые кулачеством, разрозненны, что они не следуют за определенной программой, что в них не видно единого во всеукраинском масштабе стратегического плана. Это несомненно. Все же общность интересов кулачества во всех районах, интересов экономических, подсказывает ему и единообразие действий и единую идеологию и одинаковые приемы борьбы против враждебных ему сил.

После того, как две главные борющиеся силы революции—буржуазия и пролетариат—ослабели, кулак хочет стать на Украине хозяином положения. Он хочет взять власть в свои руки и диктовать из села свою волю городу, пролетариату и тем самым всей стране.

Правда, кулак экономически силен, но он слишком распылен, слишком первобытен, слишком жаден к наживе посредством грабежей и погромов, чтобы строить государство, создать власть, иметь учреждения. Кулак ведет войну против города. Города на Украине создали фабрично-заводскую промышленность во времена царизма, когда Украина называлась Малороссией, когда украинский язык и украинская культура считались признаками германо и австролюбия и измены.

Город на Украине ничего украинского собой не представляет. Украина исторически сложилась так, что в ней нет своей национальной буржуазии и своего пролетариата. Почти весь фабрично-заводской пролетариат Украины навербован не из резервов деревенского безземельного батрачества, а состоит из пришельцев, выходцев из Великороссии.

Таким образом борьба деревни с городом принимает характер межнациональной распри. Это обстоятельство стараются использовать кулаки и их ставленники—атаманы, предводители разных шаек и банд, и окрашивают свое движение в национально-украинский желто-блокитный цвет. Все они об'являют себя сторонниками „самостийной" Украины, а власть Советскую, представляющую диктатуру пролетариата, об'являют властью „российской", „кацапской", „еврейской".

Все эти коноводы бандитских отрядов прямо или косвенно связаны с „головным атаманом" Петлюрой, ведут шовинистическую, погромную агитацию, играют такую же продажную и предательскую роль, как и сам Симон Петлюра.

Петлюра продал Украину немцам, потом „союзникам", готов был „неньку Украину" продать генералу Деникину, стороннику „единой и неделимой", а впоследствии сошелся с польскими панами.

Букет петлюрообразных атаманов вроде Григорьева, Соколовского, Ангела, Сатаны, Тютюнника, ведет свое происхождение от позорной памяти Центральной Рады. Разбитая и разгромленная Советской властью, она рассыпилась. Ее сторонники из среды кулацко-украинской интеллигенции рассеялись по украинским деревням, организовывали банды и терзали страну налетами, резней, убийствами, пьяными погромами и грабежами. И все это делалось под флагом украинского национализма.

Характерно для большинства атаманов петлюровской марки то, что мы узнаем из № 20-21 „Червоний Прапор“ о Тютюннике. Тютюнник служил в германском войске, потом за украинофильство был арестован, но бежал. Затем он переходит к Петлюре и, когда его там не удовлетворили лично, то перешел к атаману Григорьеву, с ним вместе изменил Петлюре и перешел к Советской власти. Вместе с Григорьевым изменил Советской власти и повел наступление на Екатеринослав. С разгромом Григорьева перешел к главному повстанческому штабу Всеукрревкома, которому тоже изменил и опять перешел к Петлюре, слезно вымолив у последнего прощение за все вольные и невольные прегрешения.

Жизнь бурная, полная измен, провокаций и предательств, но очень типичная для большинства наших атаманов, выступающих под знаменем украинского шовинизма против Советской власти.

Повстанцы под командой Махно.

В Екатеринославщине в 1918 году против немцев действовали тысячи повстанцев, во главе которых стоял батько, как он сам себя называет, Махно. Если все действовавшие против немцев и гетмана, затем против Петлюры, а затем против Советской власти повстанцы почти сплошь были окрашены в желто-блакитный цвет украинского шовинизма, украинской самостийности и державности, то этого нельзя сказать про повстанцев, действовавших под предводительством Махно.

Отрядам Махно, хотя территория их действий это самая что ни на есть коренная Украина, совершенно чужды всякие шовинистические настроения, да и сам Махно, его подчиненные и вдохновители ничего не хотят иметь общего с другими действующими на территории Украины повстанческими отрядами.

Происходящие сейчас по всей Украине восстания против Советской власти руководятся почти везде агентами Петлюры. Между тем, как Махно в своем воззвании: „Кто

такой Петлюра?“ пишет: „Петлюра добивается (Самостийной) Украинской Демократической Республики. Это значит, что он хочет установить на Украине такой порядок, при котором государственная власть будет находиться в руках богатых и зажиточных классов. Собственность помещиков на землю, капиталистов на дома, фабрики и заводы опять восстановится в прежней силе. Рабочий класс станет попрежнему наемником у буржуазии. Крестьянство будет расчленено на бедных и кулаков, при этом кулаки будут заправилами в хозяйстве и политике... Петлюра—враг трудового народа. Один раз он продал нас германским генералам. Теперь продает французским и английским капиталистам, стремясь добиться власти над нами и установить порядок, угодный буржуазии.“

Под такими словами охотно подпишется любой коммунист.

Таким языком о Петлюре еще не говорил ни один предводитель повстанческих отрядов.

А вот как пишет Махно в воззвании „Кто такой Деникин?“

„Бунтуй, народ! Подымайся от края до края! Вооружайся, чем можешь! Возьми в топоры все помещичье и буржуазное отродье!

Они собирались устроить нам—рабочим и крестьянам —кровавую баню. Так дадим же мы им эту кровавую баню.

Горе Деникину! Смерть деникинцам! Где бы они ни находились, всегда их должна настичь шашка повстанца, вилы и топор крестьянина.

Да здравствует всеукраинское народное восстание!

Да здравствуют **свободные безвластные** Советы рабочих и крестьян!

Да здравствует Социальная Революция!“

Махно со своими повстанцами стоит особняком и когда пишут и говорят об атаманах, то нужно выделить его в отдельную единицу и постараться разобраться в нем, так как для всех очевидно, что и по своей идеологии, и по своим стремлениям, выраженным в воззваниях и газетах, он резко отличается от всех прочих банд. Нужно еще отметить, что махновское движение не имеет того типического для Украины национально-настроенного интеллигентского слоя, так сочувственно относящегося ко всем остальным повстанческим бандам. Махно и его идейные руководители не ведут шовинистической агитации ни против кацапа, ни против Московской обжорки, как атаман Григорьев, ни против

„жида“. Махно и его агитаторы издают воззвания на **„кацапском“** языке, обещает всем гражданам **без различия национальностей** защиту революционного повстанчества и линия его стремлений расходится с линией поведения всех, без исключения, отрядов и банд, действующих на Украине против Советской власти. Когда читаешь воззвания батька Махно или „ответственных руководителей революционно-повстанческой армии“, „Набат“ или „Путь к Свободе“, то местами поражаешься внешнему их сходству с воззваниями и газетными статьями коммунистов-большевиков.

Вот на эти-то характерные признаки, отличительные черты махновщины, сближающие ее внешне с большевизмом и резко отделяющие ее от петлюрообразного бандитизма, нужно обратить самое серьезное внимание при исследовании истории развития махновщины, ее социальных основ, ее обособленности.

Махновщина и анархизм.

Если идейной маской кулацко-повстанческого движения крупных и мелких петлюровцев является украинское самостийничество, украинский шовинизм, то идейным покровом то увеличивающейся, то уменьшающейся группы повстанцев, руководимых Махно, был **анархизм.** Махновцы выступают под черным знаменем, на котором красуется надпись: **„Да здравствует анархия!“** С именем батька Махно пытались связать свою судьбу старые и новые идейные анархисты. Именно они руководили всей устной и печатной пропагандой среди повстанцев батька Махно. Центральной фигурой анархической пропаганды при повстанческой армии Махно, так сказать, председателем полит отдела этой армии, был бывший редактор Петроградского анархо-синдикалистского органа „Голос Труда“ и Украинского „Набата“ Всеволод Волин (Эйхенбаум). Анархисты на Украине в разных местах выпускали газеты под одним и тем же названием „Набат“: в Харькове, Екатеринославе, Гуляй-Поле, под этим названием открывались в разных местностях клубы анархистов и, наконец, сами они стали называться набатовцами.

Что же общего между отвлеченным, книжным, словесным, теоретическим анархизмом и тем, что до сих пор было сделано Махно при помощи его идейных руководителей и при „прямом действии“ его повстанческих отрядов? Представляют ли собой группы махновских повстанцев анархистов? По авторитетному заявлению выходящего в Петрограде анархистского журнала „Вольный Труд“ возможно, что „**еще десяток—другой лет такого богатого опыта, они и станут анархистами**. Сейчас же они только **анархиствующие**.“

Восприняли ли махновские массы анархизм? На этот вопрос „Вольный Труд“ тоже отрицательно отвечает: „Нет, конечно, нет.“ Массы на Украине, идущие за Махно, „постепенно, очень и очень медленно усваивают отдельные лишь моменты анархизма“.

Интересно, как удавалось махновцам безвластникам ответить на всякого рода животрепещущие вопросы, вопросы действительности не тогда, когда их идейные руководители писали книжки и статьи, а тогда, когда нужно было организовать жизнь в тех местах, которые были махновцами очищены от белых. Советскую власть на Украине Махно и его вдохновители ругают за все: и за насильственное насаждение комбедов, и за разгон не коммунистических Советов, и за посылку реквизиционных отрядов в деревню, и за заградительные отряды, и за вооруженное усмирение крестьянских восстаний, и за отмену „свобод“ и т. д. Нет конца грехам и преступлениям большевистской диктатуры.

Вот и важно поэтому уяснить себе, как разрешили сами анархо махновцы все те вопросы, в разрешении которых оказались такими преступными и „реакционными“ большевики.

Махновщина и государственность.

Начнем хотя бы с того, что безвластные махновцы, которые против всякого государства и ругают большевиков-коммунистов государственниками, чуть ли не с первых дней пролетарской революции на Украине имеют свое собственное государство с, правда, весьма бледно очерченными границами. Столицей этого резинового государста является село Гуляй Поле, а его некоронованным царем является батько Махно. Сей батько вскоре однако понял, что если уж быть царем, то и царство-государство должно быть более действительным. С этой целью царь (на мѐстном наречии „Батька“, в старину—Царь-Батюшка) Махно воспользовался пьяным мятежом Григорьева и временным ослаблением сил Красной армии в близко расположенных местностях Советской Украины, назначил на 15-ое июня 1919 г. с‘езд Гуляй Польского района и решил учредить отдельную, независимую Приазовско Донецкую Республику. Как хозяин собственной республики, Махно считал, что он имеет право и даже должен соблюдать строжайший нейтралитет в борьбе двух властей, двух враждующих государств: белого Дона и Красной Украины. Поэтому он решил не подчиниться боевым распоряжениям командования Красной армии. Но, повидимому, для того, чтобы донские белогвардейцы уверовали в искренность его нейтралитета, он отвел свои войска от занятой ими линии фронта и, таким образом, открыл ворота Донецкого бассейна белым.

Ответственные руководители идейной пропаганды безвластного анархизма при штабе батька Махно, ругая, браня и проклиная государственников-коммунистов, под шумок обзавелись собственной „республикой“, в районе которой они и до сих пор пребывают, сокращая иногда территорию этого района до размеров какого-нибудь леса, расположенного вблизи Полог или Чаплина.

Интересно, как безвластники и антигосударственники махновцы, имея и власть и государство и даже царя батька, избегали называть вещи собственными именами.

В своем воззвании „К мобилизованным“ Культ.-Просв. Отдел Повстанч. Армии пишет: „Батька Махно для нас только любимый военный командир, а не царь и не власть. Он сам честный революционер безвластник. Он сам крестьянин, он власти над нами брать не собирается, он хочет только помочь нам защищаться от врагов народа, спасти революцию и добиться истинной свободы“.

А вот как писали в „Проекте Декларации“ про Приазовско-Донецкую Республику, про государство, именуемое Махновией: „Будучи выбита из родных мест, она (повстанческая армия) стремится во что бы то ни стало сохранить себя, переправляется на время в другие районы и т. д.“. Есть, значит, у антигосударственников и безвластников и родные Палестины, родненькая Махновия, и другие, не свои, места на территории Украины, где они чувствуют себя, как на чужбине. Одно дело Гуляй-Поле, свое, родное, дым которого и сладок и приятен, другое дело Умань. Одна поговорка гласит, что король без войска бывает только в колоде карт. Чтобы не уподобиться карточному королю, батьке Махно нужно было создать свое войско.

Анархо-махновщина и принудительный набор.

За период времени Советской власти ряды махновцев поредели. Часть повстанцев в одиночку и группами влилась в Красную армию, и Махно, не пожелавшему связать свою судьбу с славной Красной армией, угрожала опасность остаться генералом без армии. И в то самое время, когда литераторы-анархисты писали о насильственных действиях большевиков и восхваляли доблести своих повстанцев, когда пьяный Григорьев поднял пьяный мятеж против Советской власти, Махно—„честный революционер и безвластник“, об'являет по Гуляй-Польскому царству принудительную, поголовную мобилизацию всего мужского населения. Против кого собирался в поход Махно—неизвестно. Против Григорьева выступить Махно отказался, с Деникиным драться отказался. Ясно, что он возомнил себя нейтральной стороной и решил сохранить при помощи насильственно мобилизованных вооруженный нейтралитет.

Дисциплина и начальство.

Раз Махновия обзавелась регулярной армией, то ясно, что такая армия не могла же питаться святым духом, исходящим из редакции „Набата“. Извольте ввести в армию безвластников целый ряд друг другу подчиненных начальников, передайте им широкие полномочия по части „железной, бездушной, превращающей человека в манекен, дисциплины“.

И, действительно, в добровольной, свободной, повстанческой армии появляются комбриги (командиры бригад), начдивы (начальники дивизий) и начштабы, которые начинают проводить дисциплину железной рукой. Затем вводится в повстанческую армию целый штат того, что в Красной армии называется Политкомом. При повстанческой армии имеется свой Политотдел, называемый Культурно-Просветительным Отделом при Реввоенсовете Революционно-Повстанческой Армии.

Махновцы и дезертирство.

В организованном, регулярном войске, составившемся по принудительному набору, не может быть терпимо такое явление, как дезертирство. Для свободной же повстанческой армии, покоющейся на добровольном вхождении в его состав, слово дезертир непонятно, так как выход из этой армии так же должен быть свободен, как и вступление. В одном воззвании Махновский Политотдел Реввоенсовета, обращаясь к мобилизованным Деникиным рабочим и крестьянам, говорит: „Хотите—идите в ряды повстанцев, не хотите—идите по домам“. Вот это последовательно, правильно с точки зрения безвластников, врагов принудительных форм жизни.

Но наши махновцы—безвластники только на бумаге и сам батько Махно обрушивается в газете „Путь к Свободе“ на дезертиров. 3-й Повстанческий Крымский Полк принимает резолюцию, заканчивающуюся: „Смерть предателям-дезертирам“. Резолюции претворяются в жизнь и командарм (Махно) приговаривает целый ряд дезертиров и, в частности, такую важную особу, как Начальник Штаба 2-й Повстанческой бригады Богданов, к расстрелу. Конечно, анархисты решили, что махновские повстанцы прекрасный материал для обработки в духе безвластного коммунизма, для пропаганды идеи анархизма Махно и его приближенные хотели поднять боеспособность армии путем повышения ее революционного сознания. Был брошен клич и в армии Махно влились массы анархистов, как вливаются коммунисты в Красную армию. „Анархистским силам необхо-

димо—пишет „Набат"—развить в самом широком масштабе устную и печатную агитацию среди повстанцев для поднятия сознательности и культурного уровня их, чтобы они ясно представляли себе происходящие события и отдавали себе сознательный отчет в ведомой ими борьбе". Но проповедь безвластного анархизма в его чистом виде находилась в резком противоречии с мечтой Махно о боеспособной, на началах подчиненности, армии. И наоборот. Безвластники-агитаторы попали в тон тем элементам прежнего революционного повстанчества, которые не хотели поступиться своими вольностями и связать себя дисциплиной в Красной армии. „Вольный Труд" сообщает, что уже спустя некоторое время, „начался процесс разложения. В повстанческой армии началось пьянство, хулиганство, грабежи, убийства и т. д."

Махновский империализм.

Если Махно—царь батько, если „Гуляй-Польский район", Махновия, Приазовско-Донецкая Республика это—государство, если в этом государстве об'явлена принудительная мобилизация всего мужского населения, если существует армия с командармом, начштабом, начдивом и комбригом, если существует борьба с дезертирством, если в этой армии расстреливают за отлучки, то было бы более чем странно, если бы в той или иной форме не проявились бы империалистические стремления. Мы так недавно читали о том, что повстанцы скверно себя чувствовали вне „родных мест", т. е. вне „Гуляй Польского района", а в „Пути к Свободе" от 22-го октября в чрезвычайно нервной статье „К делу" читаем: „Наши знамена должны развеваться по всей Екатеринославщине, Харьковщине, Полтавщине и по Донецкому бассейну, всюду выражая волю трудового народа. И еще. Мы должны пойти трудящимся на помощь и совместными силами укрепить знамена трудового народа всей Украины—от крайнего севера до крайнего юга".

Мы видим здесь рост империалистических аппетитов. Раньше только свой район, затем несколько губерний, а в конце вся Украина.

Махновцы и самодеятельность рабоче-крестьянских масс.

Еще одно очень характерное для анархистов и махновцев явление. Изо-дня в день, в каждой статье, через каждые десять строк, в каждой статье литераторы-махновцы любят повторять в различных формах мысль, что „освобождение рабочих есть дело самих рабочих, что только с полным уничтожением государственной власти и правительственного аппарата открывается возможность самим трудящимся, снизу, без всякого давления сверху, свободно строить свою жизнь и т. д."

Пока идут военные действия, власть эта, конечно, военная в лице повстанческой армии. Поэтому „революционная повстанческая армия призывает все трудовое население приступить к самостоятельным действиям и самостоятельной организации и борьбе. Армия уйдет, сделав свое дело".

Но, оказывается, что военно-махновская власть не может отрешиться от вмешательства в организацию жизни трудящихся. Об'ясняя роль Махно в революции, безвластники говорят, что „он хочет только помочь нам защищаться от врагов народа, спасти революцию и добиться истинной свободы". Припомним слова из „ИНТЕРНАЦИОНАЛА":

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Кто же Махно? Не бог, не царь, не герой. Какая сила выдвинула его, как командарма? что дает ему права „помочь нам"? Мы все призваны помочь друг другу. Ведь это та же опека, над которой так издеваются анархисты.

„Первой и самой существенной разницей между экономической политикой большевиков и предполагаемым экономическим строительством нового течения (читай: экономическ. политикой анархистов)—есть то, что большевики, как и всякая власть, тесно связала экономическое хозяйство с политикой государственной власти, приспособляя его к аппарату существующего государственного механизма, и, таким образом, рабочие и крестьяне не только не явились непосредственными строителями новой формы экономической жизни, но даже сделались слепым орудием в руках тех многих безответственных чиновников, заполнивших большевитские совнархозы и т. д.".

Махновская диктатура и чрезвычайка.

Так пишут безвластники в газете „Путь к Свободе" в статье „Безвластное строительство". Но в этом же номере газеты в статье „Районный с'езд" не только пытаются наметить свободную программу с'езда, но анархисты в качестве господствующей политической партии диктуют делегатам сел, деревень и рабочих организаций махновской республики целый ряд вопросов, которые они „должны вырешить". Вопрос 1-й: как пополнить повстанческую армию; 2-й: как организовать снабжение армии; 3-й: как установить тесную связь повстанческой армии с крестьянами и рабочими. Затем ряд других вопросов. По-видимому, и партии анархо-махновцев не чужда мысль о приспособлении хозяйственно-

экономического строительства „к аппарату существующего государственного механизма", так как вопрос, скажем, о снабжении армии пока стоит в центре такого строительства не только у безответственных чиновников совнархоза, но и у махновских комбригов.

Махно и весь состав офицеров армии безвластных повстанцев на местах не организовывает никакой власти. Они не собирают городских дум, никаких советов, хотя часто пишут о трудовых советах, не назначают Исполкомов или Ревкомов, но учреждают в каждом занятом ими месте чисто военную диктатуру. Но так как, по утверждению самих же литературных друзей Махно, в повстанческой армии царит пьянство, хулиганство, грабежи, убийства и т. д., то эта военная диктатура превращается в тиранию безответственных пьяниц, хулиганов, грабителей и убийц. Исполнительный орган диктатуры анархо-махновцев, махновская чрезвычайка, именуемая контр-разведкой, работает не за страх, а за совесть. Там принимаются меры против деникинцев и их приспешников, по отношению к богатому буржуазному классу предпринимаются „некоторые меры". Что же касается трудового населения, то здесь сила власти и диктатуры безвластников могла бы быть полностью выражена в следующих цифрах.

Анкета по Хортицкой волости.

Сведения, поступившие из 14 сел Хортицкой волости (два села совершенно уничтожены).

а) Потери от махновцев: убито и умерло от побоев 60 человек, случаев насилия и побоев—329, случаев изнасилованных женщин—78, сожженных домов—42, домов, пострадавших до негодности—111, взято лошадей—2413, взято рогатого скота голов—1717, забрано свиней—1072, забрано пшеницы и ржи—63.547 пуд., забрано овса и ячменя—255.562 пуда.

Анархизм на практике.

Анархизму, т. е. учению о безвластии, о безначалии, недоставало живой души, махновщине недоставало благородства духа. Отсюда произошел брак между ними.

Серьезные анархисты не могут считать махновщину, т. е. первобытный голый бунт, практическим анархизмом и дают ему довольно низкую оценку. В то же время установлен факт, что попытка влить идейных анархистов в ряды махновского повстанчества не только не подняла нравственного и боевого уровня его, но оказала действие прямо противоположное. Анархисты разложили окончательно и без того дезорганизованную армию хулиганов и пьяниц. Оно и

понятно. Идейные анархисты народ прямолинейный. Их чистая отвлеченная идея безвластия, безначалия, безгосударственности попиралась на каждом шагу. Их святая святых нарушалась самым вопиющим образом. Поэтому политработа анархистов, выдержанная до конца, дошла до логического абсурда на практике. Отсюда вопли некоего Рудевко в питерском журнале анархистов, что в повстанческой армии Махно воцарилось пьянство, грабежи, хулиганство и тому подобные прелести. Но ошибается анархистский литератор в том, что это разложение наступило, несмотря на идейную работу анархистов. Разложение было прямым следствием этой работы. „Властвуй и разделяй!" Вот чем руководились одиночки и группы махновских повстанцев и разделяли все, что могли: и шубы с буржуазных плеч, и цветное сукно с письменных столов на шаровары, и кожу с диванов и седел для обуви. И это бесконечное разрушение и есть только тот единственный момент, который сближает и роднит практику махновщины с теорией анархизма.

Два периода деятельности Махно.

Деятельность Махно за два с половиною года распадается на два разряда: против бело-буржуазно-помещичьей власти и против власти Советской, красно-пролетарской, крестьянской.

При немцах Махно имел первоначально маленький отряд в 50 человек. Но для борьбы против иноземного угнетателя и гетмана вокруг Махно стали собираться сотни и тысячи честных рабочих и крестьян.

Возвратившиеся на свои земли и фабрики помещики и буржуи стали больно мстить крестьянам и рабочим за нанесенные обиды, за поддержку Советской власти, стали выжигать села и выбивать тысячи крестьян без различия сословия—и кулака и незаможного из насиженных гнезд.

То же самое было и при Деникине. Золотопогонная дикая офицерская орда ничем не отличалась от немцев в своих насилиях над трудовым населением Украины. Шкуровский чеченец или калмык вел себя на Украине как в покоренной стране, как завоеватель.

В эти периоды Махно, действительно, был вождем бунтующих масс. Общность интересов рабочих и всех слоев крестьянства сплотила их вокруг Махно. В эти периоды боевые повстанческие отряды Махно разбухают. По мере продвижения его от Гуляй Поля на север и юг его ядро обрастает и в каждом селе он находит тысячи крестьян, готовых с оружием в руках бороться вместе с Махно против врага. Даже отряды Красного Повстанчества на юге России об'единились под его командованием.

Если взять его воззвания и газеты за эти периоды, то трудно усомниться в том, что мы имеем дело с революционерами, бойцами против помещичье-буржуазного гнета. В эти периоды Махно на Украине был единственно-крупной силой, которая была призвана поражать врага в спину, дезорганизовывать его тыл. В „Пути к Свободе“ за 12 октября мы читаем: „История, на данный момент, наделила нас чудной силой—быть теми дрожжами, которые всюду подымают трудовой народ.“

В эти периоды Махно удается забирать у помещичьей власти огромные пространства с целым рядом городов с Екатеринославом во главе.

Деятельность Махно в периоды Советской власти поистине заслуживает жалости. Как после немцев, так и после Деникина Махно ютится в районе Гуляй-Поля, гонимый, кочующий из села в село, из села в леса, неспособный развернуться и проявить жизненность. В то время, как при белых он на долгие дни занимает и Александровск, и Умань, и Екатеринослав даже, при Советской власти это ему не удается и тачанки батька Махно вечно спасаются бегством в отдаленных лесах, оврагах и селах.

При Советской власти батька Махно теряет блеск вождя революционного крестьянства. Все, что есть боевого и революционного на Украине, более или менее тесно сближается с Советской властью. Крестьянство раскалывается. Беднота деревенская и часть середняцкого отходит от Махно. Батько Махно, таким образом, при Советской власти из батька революционных рабоче-крестьянских повстанческих отрядов превращается в кулацкого батька.

Вот поэтому-то и воззвания и газеты Махно при Советской власти бледны и немощны, повторяют про Советскую власть ложь и клевету, которыми пользуются белые.

Поэтому же прогулки Махно по селам не дают ему при Советской власти никаких свежих сил, никаких резервов и подкреплений и он остается наедине со своим кулачеством и шайкой профессионалов грабежа. Махно перестает быть притягательной силой для революционных сил деревни и города.

В последнее время Махно хотя и пишет на своих знаменах: „Да здравствует анархия!“, но это по старой памяти. Анархисты давно оставили его ряды.

Если со стороны кулацких элементов в рядах махновцев существует тяга к белым, то и у белых чувствуется при Советской власти тяга к Махно. Сейчас в печати опубликовано письмо генерала Врангеля, в котором он предлагает Махно совместные действия против „большевиков“.

Махновщина в Красной армии.

Советская власть на Украине укрепляется и махновские отряды раньше или позже разложатся и исчезнут. Но наследство, ими оставленное, еще долго даст себя чувствовать на Украине. Главным злом было влияние махновщины на Красную армию. На заре махновского движения Красная армия была слабодисциплинированной, не прошла никакой школы, кроме школы борьбы с украинскими бандитами. От частого соприкосновения с последними наша Красная армия, впитавшая тысячи партизан, заражалась тем же духом бесшабашного разгула, ничем несдерживаемой наклонностью к тем же выступлениям, какие весьма характерны для партизанских отрядов. Дух партизанщины был очень силен в рядах Красной армии и только поэтому стали возможными и пьяный мятеж Григорьева и измена многих красноармейских частей, дисциплина и устойчивость которых была ничтожна. Принадлежность к Красной армии обязывала к революционной дисциплине, выдержке, к согласованности действий не только с товарищами по роте, полку или дивизии, но и по частям, действовавшим на всех участках Советско Республиканского фронта. Пребывание в партизанских отрядах давало каждому все вольности, могущие удовлетворить не в меру развитые стремления к грабежу, к разделу общенародного достояния между случайно-очутившимися в данном месте участниками партизанской шайки. Поэтому так часты стали случаи перехода отдельных красноармейцев или групп. Но и теперь в рядах Красной армии на Украине осталось много отдельных красноармейцев, которые больны партизанщиной, в которых сидит бес махновщины.

Вы и теперь можете встретить десятки красноармейцев и матросов, политических работников и комиссаров, Советских служащих и даже коммунистов, которые на словах верны Советской власти, на деле же, глубоко в душе, заядлые махновцы.

Если вы встетите растрепу-красноармейца, рассказывающего о том, как он где-то и когда-то „резал жидов и буржуев“, это—махновец.

Если вы увидите на базаре или площади красноармейца, продающего выданные ему сапоги или предметы обмундирования, это—махновец.

Если вы увидите господчика „комиссара“ в штанах галиффе, важно раскатывающего в экипажах на резинках с нарядными дамами, знайте, что это—махновец.

Если услышите, как красноармеец громко матерно ругает комиссаров, командиров, всех и вся, знайте, что это ругается махновец.

Если из проезжающих эшелонов Красной армии выделяется самочинно несколько бравых молодцов и идут в расположенные вблизи станции или полустанка хутора или селения грабить продукты у крестьян, это—махновщина.

Если в вагонах, предназначенных для перевозки войск и необходимых предметов снаряжения и продовольствия, вы увидите кучи женщин, мягкую мебель и всякого рода домашние удобства, будьте уверены, что это—махновщина.

Если вы видите группу матросов или красноармейцев с поднятыми вверх револьверами, требующих от коменданта станции вагона или паровоза, это—махновцы.

Если красноармеец, забавы ради, стреляет в воздух из винтовки или револьвера, это—махновец.

Махновщина внутри нас.

Но махновщина—болезнь, заразившая не только Красную армию. Махновщина это не только то, что делают банды, называющие себя махновскими. Махновщиной заражена вся Украина, все ее партийные, гражданские и военные учреждения. Каждый украинский революционер, большевик, коммунист, левый эссэр в той или иной степени подвержен этому заболеванию.

Если вы знаете коммуниста, особенно из молодых, который везде и всюду трубит о своем коммунизме, это—махновец.

Если вы увидите коммуниста, полагающего, что партийная карточка № такой-то дает ему все права, но не налагает никаких обязанностей, это—махновец.

Если вы увидите ответственного коммуниста, который делает, что его левая нога хочет, и не учитывает гибельности своих действий для государства, для целого, это—самый безответственный махновец.

Если вы услышите, что работающий на Советской службе коммунист терроризирует свое учреждение и всех служащих, ругает их саботажниками, угрожает „Чрезвычайкой“, это—махновец.

Если вы видите вечно распаленного коммуниста, кричащего на всех перекрестках, в ресторанах, на квартире, которую он занимает, что „их нужно ррраcтрелять“, знайте, что это—махновец.

Махно сейчас разлагается не по дням, а по часам. Судьба его зависит от того, кто будет хозяином на Украине— буржуа и помещик или рабочий и незаможный селянин. В первом случае ему еще предстоит кой-какая роль революционного руководителя повстанчества, во втором ему предназначен один путь, путь разложения и гибели.

Перед лицом Советской власти, власти рабочих и беднейшего крестьянина, сила Махно тает, как воск перед лицом огня.

Советской власти Махно не опасен, а опасна махновщина, глубоко в'евшаяся в организм крестьянских, рабочих и интеллигентских масс Украины.

Победить Махно и его отряды это не так уже трудно; победить махновщину, царящую в Советской Украине, внутри каждого из нас—задача не легкая.

Мы должны лечить и лечиться. Мы должны вести с махновщиной во всех ее видах и проявлениях жестокую, непримиримую и беспощадную войну.

Только победив махновщину, можно будет сказать, что на Украине Советская власть прочна.

Екат. 2 Сов. тип., орд. № 3256—10000 шт.